

ШЕЙХ АБДУЛЛА: ПОРТРЕТ В КАШМИРСКИХ ТОНАХ¹

Исследование истории княжества Джамму и Кашмир, трагедии его раздела в 1947 г., ведется давно². В центре внимания автора личность, сыгравшая видную роль в становлении современного Кашмира, но пока недостаточно изученная, – «Лев Кашмира» Шейх Абдулла (1905–1982), бывший с 1947 по 1982 гг., с перерывами, премьер-министром Джамму и Кашмира. В статье дан анализ его деятельности в первые месяцы после образования Индийского Союза и Пакистана.

Ключевые слова: *Кашмир, Шейх Абдулла, Индийский Союз, Пакистан, СССР*

Княжества колониальной Индии формально считались независимыми, в действительности они находились в подчинении Короны. В годы Второй мировой войны они поддерживали Великобританию, предоставляли в ее распоряжение все силы и ресурсы, их войска сражались в Африке и Сирии. Однако в ходе войны ситуация в княжествах стала постепенно меняться. Населявшие их народы, вопреки искусственной изоляции от Британской Индии, оказались под влиянием бурно развивавшегося в провинциях освободительного движения.

На территории многих княжеств возникли местные комитеты ведущей политической партии – поликонфессионального Индийского национального Конгресса (ИНК) и близкие к нему организации. Хотя и запоздалое, политическое пробуждение привело в движение массы людей. Авторитетный лидер ИНК Мохандас Карамчанд Ганди, Махатма рассчитывал на активную поддержку антибританской борьбы как со стороны народов княжеств, так и их правителей. Он исходил из установок Харипурской сессии ИНК 1938 года, провозгласившей, что «полная независимость... должна быть достигнута для всей Индии, включая княжества, поскольку целостность и единство Индии сохранятся при независимости, как они сохраняются при подчинении» [Coupland 1943: 172]. Однако обострившиеся на фоне антиколониальной освободительной борьбы индусско-мусульманские и сикхско-мусульманские политические и религиозные противоречия, использованные британцами, не оставили шанса сохранить единство Индии. Политический оппо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-01-00258-ОГН/18.

² См.: Шаумян 1989. С. 113–147; 1995. С. 61–72; 2002. С. 61–76; Белокреницкий, Москаленко, 2008; 2002. № 1. С. 9–14; Юрлов, Юрлова 2010.

нент Конгресса, конфессиональная Мусульманская лига (МЛ) во главе с Мухаммадом Али Джинной выступавшая за раздел Индии по конфессиональному признаку и создание Пакистана, старалась влиять на княжества, поддерживая идею их «права на самоопределение» после ухода англичан с Индостана. Окончание войны ускорило процесс подгонки передачи власти, так как удерживать Индию под контролем британцам стало чрезвычайно трудно. В декларации премьер-министра К. Эттли от 20 февраля 1947 г. был назван срок ухода – до июля 1948 г., и для переговоров с индийскими лидерами в Дели прибыл новый вице-король Маунтбэттен. Готовя раздел страны на Индийский Союз и Пакистан, он сразу обозначил и один из важнейших принципов интеграции княжеств: «Теоретически все княжества свободны связать свое будущее с любым доминионом, но существуют обязательные географические тяготения, которые невозможно обойти. Подавляющее большинство княжеств... примыкают к доминиону Индия» [Mountbatten 1949: 51–53].

Раздел Индии в августе 1947 г. был осуществлен с учетом религиозно-конфессионального, экономического факторов, а также – географических тяготений ее провинций и княжеств. ИНК и МЛ сформировали свои правительства и превратились в оппонентов на международном пространстве Южной Азии³. Их лидеры – первый премьер Индийского Союза Джавахарлал Неру и первый генерал-губернатор Пакистана Мухаммад Али Джинна стали главами-антиподами. Оставшийся до лета 1948 г. генерал-губернатором в Индии, Маунтбэттен стремился сбалансировать их интересы для обеспечения дальнейшего влияния Великобритании в Южной Азии. Но далеко не все территориальные проблемы были урегулированы, в т.ч. и судьба северного княжества Джамму и Кашмир, которое в августе 1947 года не согласилось войти в состав ни одного из новообразовавшихся государств.

Это княжество с индусско-мусульманским, в высокогорьях – и буддистским, населением и индусской династией во главе, было расположено у границ СССР, Афганистана и Китая и имело большое стратегическое значение. Во время войны британцы построили там два первоклассных военных аэродрома – в Сринагаре и Гилгите, и намеревались навсегда сохранить контроль над ними. Но при подготовке к разделу Индии, 2 июля 1947 г., Кашмир внезапно объявил себя «независимым» [АВП РФ. Л. 3]. Махараджа Хари Сингх опасался, что лидер МЛ и Пакистана Джинна станет преследовать его из-за религиозных различий и, в конечном итоге, лишит власти. Вступить же в Индийский Союз ему мешала его «плотая ненависть» к Неру, преемнику Ганди, человеку с социалистическими и демократическими идеалами. Англичане, учитывая, что «независимость» Кашмира, означавшая на деле сохранение их

³ NAI. Ministry of Home Affairs. 1947. L. 3–7.

власти в княжестве, вызовет возражения со стороны правительства Индии, еще до вступления в силу «Закона о независимости Индии» предприняли шаги по подготовке присоединения Кашмира к более послушному им Пакистану, чтобы сохранить свое господство [там же: Л. 26].

Прибыв в Кашмир летом 1947 г., вице-король Маунтбэттен убеждал Хари Сингха не делать никаких заявлений о независимости и к середине августа присоединиться к тому или иному доминиону. Вице-король заверял махараджу, что даже его «вступление в Пакистан не будет рассматриваться в Индийском Союзе как враждебный акт», но Махараджа не шел на компромисс [Campbell-Johnson. 1972: 120-121]. В преддверии дня вступления в силу «Закона о независимости Индии», Неру и Ганди также заявили вице-королю о желании содействовать решению судьбы Кашмира. Индия, как и британцы, не намеревалась терять это стратегически бесценное княжество. К тому же Неру по рождению был кашмирским брахманом. 27 июля он написал Маунтбэттену: «Ваша поездка в Кашмир, на мой взгляд, оказалась неудачной, все там осталось по-прежнему... Я решил ехать туда 4 августа и пробыть 4-5 дней. Поеду как частное лицо... Моя цель – встретиться с друзьями, коллегами, с родным народом, страдающим от политики властей...» [Constitutional Relations 1983: 368]. В конечном счете, вице-король его отговорил, в Кашмир отправился Ганди. Он встречался с людьми, мягко склонял их к правильному выбору своего будущего, а на обратном пути, в Равалпинди, сделал итоговое заявление – предоставил «воле кашмирского народа» выбор доминиона, к которому княжество присоединится. Маунтбэттен в эти дни записал в личном дневнике: «Ганди еще объявил и то, что намерен провести остаток жизни в Пакистане, в заботе об интересах меньшинств. Это приведет Джинну в ярость» [ibid.: 594]. Вопреки расчетам ИНК, «турне Ганди» практического результата не дало. Махараджа выжидал, но тем временем подписал с Пакистаном «мораторий», по условиям которого в княжество, пакистанскими дорогами, начали доставлять жизненно необходимые припасы, нефтепродукты, продовольствие. Хари Сингх хотел подписать «промежуточное соглашение» и с Индийским Союзом, но его предложение задержалось в пути.

Мусульманская лига тоже активно и всеми способами отстаивала Кашмир «для себя». Внутри княжества была организована кампания за присоединение к ее доминиону. 20 сентября 1947 г. в Кашмире был проведен «День Пакистана». Как передавало радио Пешавара 2 октября, девять ведущих деятелей МЛ обратились к махарадже Кашмира с призывом присоединиться к Пакистану, и для большей убедительности, безо всякого предупреждения, были прекращены поставки оттуда пшеницы, соли, селитры в Кашмир. В протесте, переданном 20 октября по телеграфу правительство Кашмира констатировало: «Власти Пакистана в нарушение достигнутого ранее соглашения блокируют княжество, в резуль-

тате чего в княжество перестали поступать нефть, сахар, соль, одежда и другие, жизненно необходимые, товары» [АВП РФ. Л. 4]. Так колебания махараджи, выказывавшие его явную неуверенность в самопровозглашенной независимости, превращались в раздражитель для всех игроков на Индостане и грозили обернуться трагедией кашмирского народа.

Массовая политическая организация, основная партия Кашмира – Национальная конференция ставила своей целью борьбу с автократией Хари Сингха и проведение ряда демократических реформ, в т.ч. ликвидацию помещичьего землевладения и национализацию основных отраслей промышленности. Несмотря на то, что основной социальной базой этой организации были мусульмане, она всегда примыкала не к МЛ, а к ИНК и сотрудничала с ним. Лидером Национальной конференции был Шейх Абдулла, личный друг Неру, пользовавшийся большим влиянием не только в Кашмире, но и во всей Индии. Он родился в 1905 г. в семье небогатого торговца, в деревне близ Сринагара. От отца, потомка кашмирских брахманов, принявшего ислам он получил свое мусульманское имя. С трудом получил образование в Алигархском исламском университете. В студенческие годы Шейх Абдулла познакомился с либеральными идеями, стал осознавать пагубное воздействие застывшей восточно-феодальной системы на судьбы кашмирского народа, участвовал в политическом движении и в 1931 г. впервые попал в тюрьму. Он считался религиозным человеком, читал проповеди в мечетях, но ходили слухи, будто делал это, только чтобы не прослыть атеистом и не оттолкнуть от себя индусов и мусульман княжества. Свою первую политическую организацию – Кашмирскую Мусульманскую конференцию он создал и возглавил, выйдя на свободу, в октябре 1932 г. Несмотря на наименование, она не была узко конфессиональной партией, Шейх Абдулла подчеркивал ее направленность на защиту прав всех угнетенных слоев кашмирского общества [Bakshi 1995: 56-63]. Эта организация предприняла в 1933 г. попытку объединить все партии княжества, которая не увенчалась успехом. Однако его знакомство с молодым лидером ИНК, учеником Ганди Дж. Неру, укрепило его в уверенности – борьба за свободу не может быть конфессиональной или сектантской. Она должна обрести всеобщий характер, объединить мусульман, индусов, сикхов, представителей разных вер и национальностей. В Кашмире же демократическое движение против автократического режима махараджи должно было объединить и усилия его частей – Джамму и Кашмира. Он добился поддержки политических сил Джамму в лице их лидера Чаудхари Гуляма Аббаса, и, после длительной подготовительной работы, в июне 1939 г. Мусульманская конференция Кашмира превратилась в Национальную конференцию Кашмира [ibid.: 57]. В период пребывания в Индии британской миссии во главе с Петик-Лоуренсом, подготавливавшей передачу власти на наиболее выгодных для метрополии условиях образования

федерации провинций и княжеств, Шейх Абдулла развернул агитацию под лозунгом «Махараджа, вон из Кашмира!». Власти в очередной раз арестовали его и приговорили к трем годам заключения.

Таким образом, не увидевший ни провала миссии 1946 г., ни прибытия в Индию лорда Маунтбэттена и переговорного процесса о разделе страны и образовании двух доминионов, в драматические дни лета – начала осени 1947 г. Шейх Абдулла как опасный политический преступник находился в тюрьме. Однако в обстановке резкого обострения индо-пакистанских противоречий вокруг Кашмира 2 октября 1947 года Шейх Абдулла и другие лидеры Национальной конференции были освобождены. Уже 10 октября он выступил в столице княжества, Сринагаре, с заявлением: «Мы будем поддерживать присоединение к тому доминиону, в котором будет поощрено наше требование свободы». Он уточнил, что Национальная конференция никогда не добивалась низложения махараджи, а только желала его превращения в конституционного монарха [АВП РФ. Л. 26], что стало ударом по планам англичан и пакистанских лидеров использовать факт освобождения Абдуллы для запугивания махараджи, а тот увидел, что с этой стороны ему бояться нечего...

23 октября грузовики и джипы армии Пакистана пересекли границу с Кашмиром и двинулись к его столице Сринагару по шоссе Музаффарабад–Барамулла. Вторгшаяся группировка (ок. 5000 чел.) состояла из вооруженных пуштунов, выходцев из северо-западных пограничных племен. Началась военная акция Пакистана по захвату Кашмира, хотя официальный Карачи не взял на себя ответственность за ее организацию, квалифицируя происходящее как «добровольческую акцию мусульман» [см. Kashmir... 1956]. Пуштуны захватили Музаффарабад, их передовой отряд продвинулся к Сринагару, убивая, насилая, сжигая все на своем пути. Доказательств того, что это вторжение было санкционировано правительством Джинны, на настоящий момент нет, хотя открытое намерение захватчиков взять столицу Кашмира, пленить или уничтожить махараджу и «явочным путем» решить вопрос о присоединении княжества к Пакистану было созвучно его намерениям. Маунтбэттен срочно созвал заседание Индийского Совета обороны, который принял решение перебросить в Сринагар специальные воинские подразделения. К махарадже был направлен эмиссар В.П. Менон, чтобы убедить его немедленно подписать соглашение о вступлении Кашмира в состав Индийского Союза, но тщетно – Хари Сингх все еще никак «не мог решиться». Лишь когда ситуация стала патовой, 24 октября 1947 г. махараджа обратился к Индийскому Союзу с просьбой об оказании помощи.

Шейх Абдулла в этой ситуации заявил, что члены Национальной конференции будут бороться с захватчиками и защищать Сринагар, начал формировать ополчение. Почти одновременно и индийские власти приняли историческое решение – на рассвете 27 октября через Гималаи

в Кашмир, самолетами, был отправлен Первый сикхский полк, который по прибытии немедленно вступил в бой. Правительство Индии считало необходимым немедленно «преобразовать существующее правительство княжества в Народное правительство» и, по инициативе Ганди и Неру, склонило махараджу «предложить именно Шейху Абдулле возглавить его» [АВП РФ. Л. 3]. Махараджа согласился на присоединение к Индии. Шейх Абдулла приступил к формированию правительства.

В состав нового правительства вошли многие яркие персоны. Гулям Мухаммед Бахши стал министром внутренней безопасности, законности и порядка. Был очень близок к Неру. Будучи несколько «правее» Абдуллы, любил повторять, что в душе он – коммунист. С коммунистами всегда честно сотрудничал. Занялся торговлей и с помощью Неру получил в Дели магазин. Неру опирался на него больше, чем на Абдуллу, интуитивно и безошибочно опасаясь, что последний мог выйти из повиновения. Гулям Мухаммед Садык был назначен командующим народной гвардией и министром вербовки и тренировки вооруженных сил, коммунист, был популярен в народе, особенно среди молодежи. Маулана Мухаммед Саид, министр пропаганды, Генеральный секретарь Национальной конференции Кашмира, также был очень близок к коммунистам. Гулям Мохид-Уд-Дин, получивший пост министра связи, дорог, аэродромов, водоснабжения, электричества, склонялся к социалистам, но накануне и после раздела Индии стал более тесно сотрудничать с коммунистами. Сардар Будх Сингх, министр восстановительных работ, лидер сикхов Кашмира, единственный сикх в кабинете Шейха Абдуллы, в свое время был губернатором провинции Джамму, но отказался от поста и вступил в Национальную конференцию. Честный деятель, но далеко не революционер. Еще ряд министров-индусов замыкали круг членов поликонфессионального кабинета Шейха Абдуллы. Длительное время взаимные политические симпатии Шейха Абдуллы и неруистов в индийском руководстве были достаточно сильны. Он не раз подчеркивал: «Все мы черпаем вдохновение от Пандита Неру, он очень сочувственно относится к нашей борьбе за свободу... Г-н Джинна, напротив, противостоит нам. Как теперь Мусульманская лига может все перевернуть и заявлять, что она является лидером кашмирского народа?»⁴.

В Дели и Сринагаре с тревогой ожидали реакции Джинны. Маунтбэттен и Неру опасались, что, если Пакистан (теперь уже официально) направит войска к Сринагару, то впервые в истории Британского Содружества наций на поле боя сойдутся две части некогда единого целого – англо-индийской колониальной армии, под командованием английских офицеров с обеих сторон. Опасения подтвердились: как только Джинна узнал об индийском воздушном десанте, он немедленно отдал

⁴ Encyclopaedia of Kashmir. 1995. P. 123.

приказ о введении в Кашмир двух пакистанских бригад из Равалпинди и Сялкоты, которым предстояло, помимо прочего, пленить махараджу. Несмотря на то, что и.о. главкома Д. Грейси отказался выполнить этот приказ, войска получили прямое распоряжение Джинны и вошли в Кашмир. Так, «бескровная» передача власти, наряду с межобщинными погромами в Панджабе, вызвала реальную угрозу индо-пакистанской войны. Лишь под давлением верховного главнокомандующего фельдмаршала К. Окинлека Джинна отменил свой приказ. Тем не менее, в ответ 24 октября в Паланди (район Пунча), при явной поддержке Пакистана, было создано «Временное правительство Свободного Кашмира» во главе с Сардаром Мохаммедом Ибрагим Ханом. Княжество Джамму-Кашмир фактически раскололось на части.

29 октября правительство Пакистана, официально объявило, что не признает присоединения Кашмира к доминиону Индия, и обратилось через Генерального секретаря ООН Трюгве Ли ко «всем демократически мыслящим и свободолюбивым народам мира» с просьбой поддержать «патриотический народ Кашмира в его борьбе за свободу» и признать Временное правительство. Телеграммы аналогичного содержания были направлены Сталину, Эттли, Трумэну. В телеграмме Сардара Ибрагима Сталину от 4 ноября 1947 г. говорилось: «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствуют о поддержке свободолюбивого правительства и народа Советского Союза в этот критический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии махараджи, которого поддерживает Индийский Союз. Признание Вами нашего Временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, вдохновит все прогрессивные силы мира в борьбе за действительную свободу» [АВП РФ. Л. 8]. Письмо осталось без ответа.

1 ноября 1947 г. Маунтбэттен вылетел в Пакистан, где провел напряженные переговоры, тщетно пытаясь убедить Джинну в законности действий Индии на территории Кашмира. Пакистанская сторона, невзирая на его усилия, осталась при своем мнении: присоединение Кашмира к Индийскому Союзу было осуществлено насильственным способом. Опротестовывая это обвинение, 2 ноября с большой речью по радио выступил Неру. Проанализировав сложившуюся ситуацию, премьер Индийского Союза всю ответственность за кризис возложил на Пакистан и отдал должное Шейху Абдулле, «благодаря которому в столице княжества отсутствовала всякая паника, и люди занимались своими делами, как обычно» [Л. 8-10]. В свою очередь, с пакистанской стороны 4 ноября по радио выступил премьер Лиакат Али Хан, буквально заклеивший Индию как «гонителя мусульман»: «В настоящее время кашмирцы борются не только за свободу, но за самое существование. Видимо, уничтожение населения Кашмира входит в обширный план ликвидации мусульман в княжествах, присоединившихся к Индии. Когда правитель-

ство Пакистана обратилось к индийскому с просьбой защитить мусульман в этих княжествах, последнее ответило, что этот вопрос является внутренним вопросом Индии» [Л. 10].

В середине ноября корреспондент ТАСС О.Л. Орестов провел несколько дней в Кашмире и вместе с заместителем Шейха Абдуллы Гулямом Мохаммедом Бакии посетил несколько деревень. Он наблюдал сожженные доглы улицы, увидел даже труп члена Национальной конференции, которому, еще живому, пуштуны на лоб гвоздем прибили доску с надписью «Предатель». Советский корреспондент писал: «Сринагар полностью находится в руках Национальной конференции и народной милиции. Все дома украшены красными флагами с изображением плуга (флаг Национальной конференции. – Л.Ч.). Стоит одному из лидеров Конференции показаться на улицах, как тысячи людей собираются, чтобы пожать ему руку и заверить в поддержке народа» [Л. 14].

Внутренняя политика Шейха Абдуллы в наиболее напряженные первые месяцы кашмирского кризиса сводилась к экстренным политическим и социально-экономическим мероприятиям. В ряде районов правительство и милиция начали проводить реформы, объявили об отмене тяжелых податей. Национальная конференция наталкивалась на настоящую обструкцию старой администрации, и Шейху Абдулле не раз приходилось угрожать арестом министрам махараджи, чтобы преодолеть их саботаж. Еще более острой была проблема вооружения народной милиции, в ноябре 1947 г. имевшей лишь чуть более 700 винтовок, в то время как ее численность составляла несколько тысяч человек. Характерно, что индийские войска, освобождая Кашмир и захватывая вооружение неприятеля, не передавали его местной милиции. В эти тревожные месяцы судьба Кашмира полностью зависела от того, насколько быстро и эффективно сумеет провести реформы в политической и экономической областях Шейх Абдулла. В конце 1947 г. время еще работало на него. Бесчинства вторгшихся на кашмирскую землю пуштунов оттолкнули местное население от Пакистана, оно практически полностью поддерживало Национальную конференцию. Имена Абдуллы и Бакии стали легендарными в деревнях Кашмира.

Однако к декабрю 1947 г. положение Шейха Абдуллы значительно ухудшилось. Боеспособность индийской армии понизилась из-за наступившей зимы. Резко активизировались индусские шовинисты, распространяющие коммуналистские настроения: «Ради чего воюем?», «Следует ли нам проливать кровь здесь за мусульман?». Наконец, махараджа, невзирая на договоренность, не думал ослаблять свою власть, и, как итог, создалось двоевластие: правительство Шейха Абдуллы существовало одновременно с правительством княжеского ставленника Махаджана. В ИНК не было единого мнения насчет ситуации с двоевластием в Кашмире. Группа Неру, социалисты и подавляющее большинство об-

щественности Индии пока оказывали полную поддержку Абдулле и считали, что власть должна находиться в руках Национальной конференции. В то же время группа министра внутренних дел Пателя считала Шейха Абдулла и Национальную конференцию опасной просоветской силой и высказывалась за то, чтобы махараджа оставался правителем Кашмира, проводя некоторые реформы. Сам же Шейх Абдулла понимал, что с его 777 винтовками он не сможет отразить серьезную атаку войск махараджи, если тот пойдет на ликвидацию власти Национальной конференции. Не исключал Шейх и того, что даже Неру может оставить его на произвол судьбы, если того потребует ситуация внутри ИНК. В этом случае руководители Национальной конференции были готовы «оторвать Кашмир от Индии и искать поддержку у СССР» [Л. 33]. Орестов предполагал, что они попытаются установить контакт с советскими представителями, в том числе на площадке ООН, чтобы выяснить, возможно ли «получить помощь от СССР для создания независимой народной республики Кашмира» [там же].

Внешние обстоятельства складывались для правительства Шейха Абдуллы крайне сложно. Англичане, увидев провал первоначального курса на присоединение Кашмира к Пакистану, перешли к новой политике, активно используя свою агентуру. В октябре-ноябре 1947 г. было сообщено, что «народ Гилгита восстал, создал временную власть и присягнул на верность правительству Свободного Кашмира»; затем Читрал, маленькие княжества Хунза и Нагар, лежащие к северу от Кашмира, объявили о присоединении к Пакистану. Индия не смогла направить туда свои войска, так как перевалы уже были покрыты снегом. Таким образом, не сумев присоединить весь Кашмир к Пакистану, англичане пошли по пути присоединения к нему всей стратегической полосы, необходимой для создания военных баз на рубежах СССР, и создавали легальную базу для постановки в Совете безопасности ООН вопроса о разделе Кашмира. В виде уступки Индии они были готовы согласиться на присоединение к ней южных районов княжества, но за север Кашмира, прилегающий к границе СССР, намеревались драться.

За деятельностью Шейха наблюдала и Компартия Индии. Коммунисты подчеркивали, что «на это движение и его руководителей беспощадно нападали пакистанские пропагандисты, и их оружие – «Правительство Свободного Кашмира, которое в действительности является орудием британских империалистов». Агенты империализма неоднократно пытались переманить на свою сторону Шейха Абдулла, используя религиозные исламистские чувства, но это им не удалось» [там же: Л. 50-52]. КПИ считала, что Шейх сам хотел бы уже давно устранить махараджу, но был бессилен окончательно ликвидировать класс феодалов-помещиков-джагирдаров, разрешить аграрный вопрос. КПИ не верила, что индийская армия была освободительной и не рекомендовала

своим членам слепо на нее полагаться. Она ставила задачи «изгнать захватчиков и пакистанскую армию, разбить заговор империалистов; разоблачить и изолировать правительство Индийского Союза, разбить фальшивые иллюзии Шейха Абдуллы по отношению к этому правительству; выдвинуть требование ликвидации феодализма» [Л. 58]. КПИ намеревалась развернуть крестьянское движение за конфискацию земельных поместий и мобилизовать народ Кашмира независимо от Шейха Абдуллы. Она была готова критиковать его правительство как не способное решить эти задачи и идущее на компромисс.

Насколько тесными были связи Шейха Абдуллы с СССР и имели ли они место вообще? Индийский вопрос всегда занимал значительное место в программных документах Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и советского правительства, так как национально-освободительные движения в Азии и Африке рассматривались как одна из составляющих мирового революционного процесса. 13 апреля 1947 г. Советский Союз и тогда еще колониальная Индия приняли решение об обмене дипломатическими представительствами, в Дели отправился посол К. Новиков, а первым послом Индии стала сестра Джавахарлала Неру Виджайя Лакшми Пандит [NAI. Ministry of External Affairs. 1947. L. 4-8]. Сталин скептически отнесся к передаче власти в Индии. Присутствие там иностранного капитала, членство в Британском Содружестве наций, по мнению советских лидеров, служило доказательством сохранения вассального статуса Индии. Тем более что генерал-губернатором Индийского Союза и командующим его армии, равно как и губернаторами провинций, многими дипломатическими служащими и гражданскими чиновниками некоторое время оставались англичане. Политика неприсоединения, провозглашенная Неру, воспринималась в Кремле через призму классово-идеологии, установок, сформулированных Сталиным, пропагандируемых В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским [Юрлов, Юрлова 2010: 611-615]. Военные базы британцев в Кашмире, вблизи азиатских границ СССР, чрезвычайно беспокоили Москву. В первые месяцы возникновения индо-пакистанского спора за Кашмир СССР воздерживался от голосования по Кашмирскому вопросу в Совете безопасности ООН. Сталин мог поддержать Индию, если бы «Неру пошел на изменение внешней политики своего государства на просоветскую. Но помогать Индии, следовавшей американскому курсу, СССР не намеревался» [NAI. L. 105-106]. При этом Москва следила за ситуацией в Кашмире, за Шейхом Абдуллой и Национальной конференцией, не прошло незамеченным даже то, что он назвал главную площадь Сринагара «Лал Чоук» («Красная площадь» – *Л.Ч.*)⁵. Когда Шейх организовал празднование Дня независимости, на этом празднике присутствовали предста-

⁵ International Relations and Foreign Policy of India. 1992. P. 299–300.

вители СССР, в то время как представители англо-американского блока, за исключением Индии, бойкотировали этот праздник. Сам Шейх Абдулла считал почти неизбежным обращение к СССР за помощью и не исключал создания некоего аналога советской республики в Кашмире. Однако практических эффективных шагов по кашмирско-советскому сближению ему сделать не удалось; по меньшей мере, документально подтвердить их невозможно.

Так в контексте проблематики нашей статьи становится очевидным, что в первые месяцы индийской независимости вызревали объективные (политические, географические, экономические) причины надвигавшейся трагедии разделенного кашмирского народа и лично Шейха Абдуллы⁶. Приложивший значительные усилия для обеспечения безопасности и демократических преобразований в своем родном княжестве, первый министр оказался на перекрестке множества стратегий: противоречивой индийской (Неру–Патель), пакистанской (мусульманин против мусульманского доминиона), межкашмирской (два Кашмира), наконец, внутривнутриполитической (двоевластие в подконтрольной его правительству части княжества). Драматическая судьба кашмирского патриота, получившего в народе почетное прозвище «Лев Кашмира», символизировала все приобретения и потери раздела Индии 1947 года, стала отражением многоаспектной и не разрешенной до наших дней проблемы разделенных государств, городов, народов, человеческих судеб.

Архивные материалы

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Отдела Юго-Восточной Азии (090). Референтура по Индии. Оп. За. П. 9. Д. 5.
 National Archives of India (NAI). Ministry of External Affairs. Branch EUR II. 1947. File № 37(8)-EUR II.
 NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch. EUR. II., RT. File No. 88-RT.
 NAI. Ministry of Home Affairs. 1947. File No. 23(18).- E.O.47.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008 [Belokrenickij V.YA., Moskalenko V.N. Istoriya Pakistana. XX vek. M., 2008].
 Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Кашмирский очаг исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. 2002. № 1. С. 9–14 [Belokrenickij V.YA., Moskalenko V.N. Kashmirskij ochag islamskogo ehkstreimizma // Aziya i Afrika segodnya. 2002. № 1. S. 9–14].
 Шаумян Т.Л. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта // Индия. Достижения и проблемы. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 61–76 [Shaumyan T.L. Spor vokrug Kashmira: istoki konflikta // Indiya. Dosti-zheniya i problemy. Materialy nauchnoj konferencii. M., 2002. S. 61–76].

⁶ Шейх Абдулла работал на посту премьер-министра Кашмира в тесном контакте с Неру до тех пор, пока не был заключен в тюрьму по обвинению в подготовке и организации сепаратистского движения. Освобожден Индирой Ганди и в последние годы жизни возобновил сотрудничество с индийским правительством и Индийским национальным конгрессом.

- Шаумян Т.Л. Внешнеполитический курс независимой Индии // Экономическое и политическое развитие Индии (1947–1987): Сб. стат. / Под ред. Котовского Г.Г. и др. М., 1989. С. 113–147 [Shaumyan T.L. Vneshnepolitcheskij kurs nezavisimoj Indii // Ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Indii (1947–1987): Sb. stat. / Pod red. Kotovskogo G.G. i dr. M., 1989. S. 113–147].
- Шаумян Т.Л. Кашмирская проблема в зеркале российской дипломатии // Россия и Индия в современном мире: вопросы сотрудничества и взаимодействия в свете их национально-государственных интересов. М., 1995. С. 61–72 [Shaumyan T.L. Kashmirskaya problema v zerkale rossijskoj diplomatii // Rossiya i Indiya v sovremennom mire: voprosy sotrudnichestva i vzaimodejstviya v svete ih nacional'no-gosudarstvennyh interesov. M., 1995. S. 61–72].
- Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., 2010 [Yurlov F.N., Yurlova E.S. Istoriya Indii. XX vek. M., 2010].
- Bakshi S.R. Struggle for Freedom. In 75 vols. Vol. 62 “Sheikh Abdulla”. New Delhi, 1995.
- Campbell-Johnson M. Mission with Mountbatten. London, 1972.
- Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power, 1942-47 / Ed. by N. Mansergh. In 12 vols. Vol. XII. London, 1983.
- Coupland R. Indian Politics 1936-1942. Report on the Constitutional Problem in India. Part 2. London, 1943.
- Encyclopaedia of Kashmir. In 10 vols. Vol. 7. New Delhi, 1995.
- International Relations and Foreign Policy of India. In 10 vols. Vol. 7 “USSR and India’s Foreign Policy” / Ed. by V. Grover. New Delhi, 1992.
- Kashmir 1947-1956. Experts from Prime Minister Nehru’s Speeches. New Delhi, 1956.
- Mountbatten L. Time Only to Look Forward. London, 1949.

Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, larisa-chereshneva@rambler.ru

Sheikh Abdullah: a portrait in Kashmir tones

The study of the history of Jammu and Kashmir State, the tragedy of its partition in 1947, has been conducted for a long time. The Russian indologists and researchers of the Pakistan history have made a huge contribution to its reconstruction, analysis of the nature and relationship with the today's South Asia and the world. The task of our article is to focus on the person who played a prominent role in the development of the modern Kashmir, but is still insufficiently studied – we are talking about the “Lion of Kashmir” Sheikh Abdullah (1905–1982). On the basis of the Indo-Pakistani, British and domestic documents, we have launched a series of publications on Sheikh Abdullah to fill this lacuna, and a multi-layered portrait of the Kashmiri patriot, who from 1947 to 1982, intermittently was the Prime Minister of Jammu and Kashmir, received its execution in our country. The article analyzes its activities in the first months after the formation of the Indian Union and Pakistan.

Keywords: Kashmir, Sheikh Abdullah, Indian Union, Pakistan, USSR

Larisa Cheresheva, Dr. Sc. (History), Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, larisa-chereshneva@rambler.ru